

Не всё не сразу и не для всех

Россия не похожа на США и Францию, зато близка к Монголии и Ботсване. И это повод для оптимизма.

В советское время мы следили за происходящим в самых далеких и «экзотических» странах. С началом перестройки наше внимание стало переключаться на самих себя, а интерес к внешнему миру пошел на спад. Это естественно. Страна стала меньше и слабее, уменьшилось и пространство, события в котором нас непосредственно касаются. Кроме того, внутренняя жизнь приобрела настолько яркий характер, что российские новости стали конкурировать и с детektивами, и с фильмами ужасов, и с эстрадой. Возможности человеческого внимания ограничены и его просто не хватает не только на Африку или Латинскую Америку, но даже на бывшие братские республики.

Понятно, что наш былой интерес к событиям в Анголе или Никарагуа в значительной мере был компенсацией монотонности советской внутриполитической жизни (читая о бурных событиях в других странах, люди спасались от скуки, как они спасаются от нее бульварными книжками). Так что переключение внимания на себя — процес бес естественный и здоровый. Но он зашел слишком далеко. Наряду с приобретениями случились и потери.

Наш брат - Хусейн?

Мы потеряли чувство сопричастности человечеству в целом. В советское время какой-нибудь искренний коммунист мог ощущать, что, борясь, например, за выполнение плана, он участвует в той же борьбе с империализмом, которую где-то далеко ведут партизаны сальвадорского Фронта имени Фарабундо Марти. А пытавшиеся «расшатать советскую власть» диссиденты и либералы понимали, что они делают то же, что чешские «ревизионисты», польские рабочие и, может быть, даже «кон-трас» в Никарагуа.

Это ощущение исчезло, причем во всех частях политического спектра. Российская власть успешно укрепляет свою «безальтернативность». Но так как никакой глобальной стратегии и идеологии при этом у нее нет, у нее нет и идеологических союзников в других странах. Объективно она идет по пути, где естественной путеводной звездой должны бы быть режимы, доведшие безальтернативность и властную вертикаль до совершенства, вроде режимов Каддафи в Ливии. Но она этого не осознает и не способна осознать. Путин не может сказать и не может подумать: «Я веду ту же великую борьбу за построение управляемой демократии, которую ведут Асад в Сирии, Мубарак в Египте и жертвой которой пали Кучма, Милошевич и Саддам Хусейн».

Горизонты более идеологической, чем власть, оппозиции ненамного шире. Российские коммунисты умудрились не заметить, например, двукратной победы коммунистов на выборах в Молдове. А либералы и демократы если и переживают из-за событий на Украине и Белоруссии (эти страны мы еще не ощущаем за границей), то уж судьба демократии в Египте или даже Азербайджане их совершенно не волнует.

Думаю, нам сейчас очень важно вернуть ощущение включенности в глобальное политическое развитие, понимание того, что борьба различных сил и тенденций в нашем обществе — это часть борьбы аналогичных сил и тенденций во всем мире.

В Тунисе как на родине.

Для начала надо понять, на кого мы похожи.

Сейчас уже нет ясных идеологических маркеров, типа «коммунизм» или «свободный мир», которые раньше позволяли легко отличать «своих» от «чужих». Но объективно, по типу своего устройства, страны образуют определенные группы, даже не осознавая своего политического родства. Мы с нашими «безальтернативными» президентами, передающими власть назначенным ими преемникам, «Единой Россией» и т.п., не одиноки в этом мире. У нас есть братья по разуму. Определить их помогут грубые, как все рейтинги, но необходимые и, насколько я могу судить, объективные оценки, которые каждый год дает всем странам мира американская неправительственная организация «Фридом хауз». Каждая страна получает отметки по семибальной шкале:

7 означает минимальную, а 1 — максимальную степень политической демократии и гражданских свобод. Две шкалы (демократии и свобод) тесно связаны, но нетождественны, максимальное удаление оценки по одной из них от оценки по другой может достигать 2 пунктов из 7.

Наши оценки за прошлый год: 6 за демократию и 5 за гражданские свободы. В СНГ такую же оценку получили Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, а вне СНГ — Египет, Тунис, Пакистан, Камбоджа, Мавритания, Руанда. О Руанде и Мавритании нам известно слишком мало, но все, что мы знаем об Азербайджане и Казахстане, говорит, что оценка в основном правильная. Российская политическая система — очевидно однотипная с казахстанской и азербайджанской, уровень свободы у нас примерно одинаков, и проблемы, стоящие перед нашей властью и нашей оппозицией, те же, что стоят перед их властью и оппозицией. Немногие прошедшие в российских СМИ сообщения о недавних египетских выборах президента говорят, что это — копия наших выборов. А во время последних президентских выборов в Тунисе мне случайно довелось там присутствовать. Везде были развешены громадные портреты действующего президента и еще какие-то маленькие портретики. Я спросил у гида-тунисца, знающего русский, кто на них изображен. «Кандидаты от оппозиции. Вот этот — коммунист, этот — либерал-западник, а эти — не помню кто». — «Ну и много голосов они получают?» — «Да кто же будет за них голосовать?» — искренне удивился тунисец. — Их и по телевидению не показывают». Я почувствовал себя на родине.

Оценки 6 и 5 — плохие. Из 192 стран лучше «успевают» 145. В СНГ впереди нас — Армения (5 и 4), Украина (4 и 3), Грузия и Молдова (3 и 4). Значительно более приличные оценки стабильно имеют некоторые государства, которые мы привыкли считать дикими и «в упор не видим» — Мали, Ботсвана, Монголия (2 и 2), Сенегал (2 и 3). Но есть и худшие результаты. Иран получил 6 и 6. Китай, Узбекистан и Белоруссия — 7 и 6. Две семерки получили 8 стран: Туркмения, Ливия, Судан, Сирия, Саудовская Аравия, Северная Корея, Куба и Бирма.

Пример для подражания — США или Англия, но это слишком отличные от нас политические организмы. Чтобы лучше понять самих себя, наше устройство, проблемы и перспективы собственного политического развития, надо смотреть не на США или Англию, и даже не на быстро ушедшие далеко вперед от нас центральноевропейские страны и страны Балтии. Полезнее обратить внимание на находящиеся в одной группе с нами Казахстан и Египет. И на ближайших соседей: с одной стороны — на Узбекистан и Ливию, с другой стороны — на Украину, Грузию, Молдову или даже Танзанию (оценки Танзании — 4 и 3). Стать, как США или Англия, в масштабах жизни нашего, а скорее всего и следующего поколения — нереальная перспектива, а стать, как Узбекистан или, наоборот, как Украина, мы можем в обозримом будущем.

Каждый год карта демократии меняется. Какие-то страны идут к все более жесткому авторитаризму, где-то происходит частичная либерализация, а где-то возникают демократические системы. В 1991 году оценка, полученная Россией от «Фридом хауз», была 3 и 4. С тех пор мы проделали большой путь в авторитарном направлении.

Но как нет ничего исключительного в нашем теперешнем политическом устройстве, так нет ничего эксклюзивного и в этой эволюции. На постсоветском пространстве с тех пор ухудшили свои показатели не только мы, но и Белоруссия, Азербайджан и все центральноазиатские страны. Пример противоположной эволюции — Молдова, оценки которой в 1991 году были 5 и 5 (значительно хуже наших), а сейчас, несмотря на то, что у власти там коммунисты, — 3 и 4. А вообще переходы от нестабильных «полудемократий» к авторитарным системам происходили в разных странах множество раз. В известной книге С. Хантингтона «Третья волна» хорошо показано, что в истории было несколько волн демократизации, и за такой волной всегда следовал откат, захватывающий часть перешедших к демократии, но не готовых к ней стран. Мы, как и многие соседи по СНГ, оказались в такой откатной волне. Но за «отливом» всегда наступает новый «прилив» («цветные революции» — это уже новая демократическая волна).

Общий предок — туркменбаши

Чтобы понять логику нашего развития, наше вероятное будущее, надо смотреть не на страны с устойчивой демократией, где иные проблемы и иные ритмы, а на Латинскую Америку, Пакистан или Турцию, несколько раз переходившие, как и мы, от хаотических и коррумпированных демократий к авторитаризму и затем — к новым попыткам построения демократии. Причем Турция и большинство латиноамериканских стран в конце концов из этого круга, похоже, вышли.

Рейтинги «Фридом хауз», проводящиеся с 1973 года, фиксируют эти маятникообразные движения. Но они фиксируют и другую тенденцию. Число стран, где демократия удерживается во время антидемократических «отливов» и стабилизируется, все время растет. В 1973 году из 148 оцениваемых стран лучшие оценки «за демократию» — 1 и 2 — получили 42 страны, или 28,3 проц. В 2005 году — уже 85 стран из 192, то есть 44,3 проц. За это время к демократии перешли Монголия, большинство латиноамериканских и посткоммунистических европейских стран, а также несколько африканских, Южная Корея, Тайвань, Испания, Португалия, Греция. Только за прошлый год улучшили свои показатели по рейтингу политической демократии 11 стран, по рейтингу гражданских свобод — 4, а ухудшили — соответственно 8 (включая Россию) и 2.

Даже в арабском «заповеднике авторитаризма» происходят некоторые сдвиги (в Иордании, Египте и Марокко). А если взять большие отрезки времени, то успехи демократии просто колоссальны. В 1900 году в мире было несколько демократических государств. После Первой мировой войны их стало больше, но откатная волна в Европе смела почти все демократии. Это сейчас туркменбаши кажется гротеском, а в 30-е годы почти в каждой европейской стране было по туркменбаши и режимы большинства центральноевропейских стран и стран Балтии, установившиеся в 30-е годы, были значительно ближе к теперешним российскому и центральноазиатским, чем к теперешним балтийским.

Я думаю, что соотнесение себя с другими странами и общими мировыми процессами имело бы очень здоровые психологические следствия. Вредно все время сравнивать себя только с теми, кто далеко впереди тебя, завидовать им и ощущать свою недостаточность и ущербность. В мировой школе мы действительно оказались в числе отстающих. Что делать — трудное детство, тяжелая наследственность. Но не мы одни, и ничего уникально плохого нет ни в нашем устройстве, ни в нашей эволюции. Только очень наивные и опьяненные свободой люди могли серьезно думать, что мы с нашими привычками, нашей исторически сформировавшейся психологией сможем быстро стать демократической страной. В нашей истории 1991 год — вторая неудачная попытка установить демократию. Первая — 1917-й, причем наш провал на этот раз — значительно меньших масштабов. А сколько провалов до установления стабильной демократии было когда-то во Франции? А в Бразилии или Турции? А в Туркмении или Ливии даже провалов не было, ибо ещё не было и первой попытки.

Сознание того, что твои беды и трудности не уникальны, имеет «терапевтическое» значение. Но терапевтическое значение могут иметь и чужие успехи. Демократия зародилась в небольшой группе стран, имевших «культурную предрасположенность» к ней. Но сейчас она охватывает и многие страны, где особой культурной предрасположенности к ней не было. Южная Корея, Монголия, Турция, Ботсвана, Сенегал — резко впереди нас. Лозунг: «Догоним Монголию по уровню демократии!» звучит немного смешно, хотя не так давно смешным показался бы призыв догнать по ВВП на душу населения Южную Корею. Пример таких стран, как Монголия, может казаться даже унижительным. Но он — и оптимистический. Как ни глубоки корни нашего авторитаризма, как ни поверхностны наши представления о Монголии (это нас они угнетали, а своего Чингисхана и его преемников они избирали на курултаях), все же ясно, что если монголы могли построить демократию, то, в конце концов, сможем и мы.

Но чтобы это произошло скорее, надо яснее видеть свою ситуацию, свои трудности и свои перспективы. Для этого надо стараться больше узнать не только о тех, кто, как американцы или французы, уже давно живет в другом «измерении» и о своем додемократическом прошлом просто забыл. Но и о тех, кто мучается так же, как мы. И о тех, кто относительно недавно отмутился и «сдал экзамен». И о тех, для кого даже наш уровень свободы — пока предел мечтаний. Чем больше мы будем знать об окружающем мире, тем спокойнее и увереннее будем смотреть в наше демократическое будущее, не очень близкое. Но, в конце концов, неизбежное. ■